

На правах рукописи

УДК 821.512.36

**Меняев Бадма Викторович**

**«СКАЗАНИЕ НЕКТАРНОГО УЧЕНИЯ» («ARŠĀNI NOMIYIN TUUJĪ»)  
КАК ПАМЯТНИК ОЙРАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Специальность 5.9.2 Литературы народов мира  
(филологические науки)

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2025

Работа выполнена в отделе Центральной и Южной Азии  
Федерального государственного бюджетного учреждения науки  
Институт восточных рукописей Российской академии наук

**Научный руководитель:**

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ФГБУН Институт восточных рукописей РАН  
**Яхонтова Наталия Сергеевна**

**Официальные оппоненты:**

доктор филологических наук, профессор кафедры истории и филологии Южной и Центральной Азии Института классического Востока и античности федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**Цендина Анна Дамдиновна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

**Маяцкий Дмитрий Иванович**

**Ведущая организация:**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится 25 июня 2025 года в 15 часов 00 мин на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.21, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», по адресу: 199053, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» по адресу: 199186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5 и на сайте университета по адресу: [https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001114\\_Disser.pdf](https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001114_Disser.pdf)

Автореферат разослан «\_\_\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,  
доктор педагогических наук, доцент

Ядровская Елена Робертовна

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность исследования** памятников ойратской литературы, представляющих собой органическую часть национальной самобытной монгольской литературы, уходящей своими корнями в древнюю культуру народов Центральной Азии, неоспорима в современных исторических условиях. Она диктуется тем, что ойратская литература, являясь частью средневековой литературы монгольских народов, продолжает играть роль в формировании духовного наследия ойратов<sup>1</sup>, оказывает доминирующее воздействие на их менталитет и взаимодействие с действительностью. Являясь выражением традиционного мировоззрения, она представляет собой основу передачи духовных ценностей, служит ориентиром этического поведения ойратов и участвует в сохранении их национальной идентичности.

Многие зарубежные и отечественные ученые на протяжении двух столетий изучали литературные памятники на ойратской письменности «тодо бичик»<sup>2</sup>. Состав, содержание переводов, их жанровая принадлежность, ряд других проблем получили освещение в трудах отечественных исследователей XIX в. К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, А.В. Попова. В XX – XXI вв. ойратскую литературу изучали В. Хайссиг (ФРГ), Ц. Дамдинсурэн (МНР), Х. Лувсанбалдан (МНР), Г. Гэрэлмаа (МНР), Б. Даваадорж (МНР), До. Галдан (КНР), М. Эрдэмт (КНР), А.Г. Сазыкин (Россия), В.Л. Успенский (Россия), Н.С. Яхонтова (Россия), А.Д. Цендина (Россия), Н.В. Ямпольская (Россия). Определенный вклад в изучение ойратских памятников внесли калмыцкие ученые — А.В. Бадмаев, В.О. Чуматов, К.В. Орлова, Д.Н. Музраева, Б.А. Бичеев, Б.В. Бадмаев, Д.Б. Гедеева, Э.У. Омакаева, С.В. Мирзаева.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения жанровой структуры ойратской литературы и, в частности, дидактической литературы, выявления источников ее формирования. В ойратской дидактической литературе XVII-начала XX вв. имелись сборники фабульных повествований, комментирующие содержание буддийских поучений. Данная форма бытования текстов получила широкое распространение в различных средневековых литературах, в частности – в ойратской литературе. Сюжеты рассказов ойратских сборников, в своей основе, восходят к тибетским источникам, имеющим древнеиндийское начало.

Они представляют собой изложение основных постулатов буддийского учения, иллюстрируемых художественными примерами из различных древнеиндийских, тибетских, монгольских источников, несущих в себе разъяснительную и дидактическую функции. Широкая популярность настоящих сборников, использование в них богатого иллюстративного материала делают их важными и актуальными объектами исследования как особой жанровой разновидности дидактической литературы. Основная цель этих сочинений — ввести мирян в курс буддийского учения и наставить на путь добродетели. Сочинения этой группы отличаются строгим функциональным назначением. Они использовались в качестве руководств в проповеднической практике ойратского духовенства.

---

<sup>1</sup> Ойраты — западномонгольские племена, кочевавшие в степях Западной Монголии и Джунгарии в XIII-начале XVIII вв. Их потомки ныне проживают в России (калмыки), Монголии и Китае.

<sup>2</sup> «Тодо бичик» («ясное письмо») — ойратская письменность, созданная в 1648 году на основе старомонгольского письма ойратским просветителем, буддийским монахом Зая-Пандитой Намкай Джамцо (1599-1662).

Изучение «Сказания нектарного Учения»<sup>3</sup> («Arṣāni pomiṃyin tuuḡi») необходимо, поскольку до настоящего времени мы не располагаем сведениями, характеризующими настоящий сборник, что и определяет актуальность темы исследования, важность введения его в научный оборот и определения его места в ойратской дидактической литературе.

**Степень научной разработанности проблемы.** В изучение комментариев к религиозно-философским трактатам на материале тибетских и монгольских источников внесли существенный вклад монгольские исследователи — Ц. Дамдинсурэн и Д. Ёндон. Академик Ц. Дамдинсурэн отмечает, что в XI веке Потоба Ринченсал (1027–1101), ученик тибетского проповедника Бромтонпы (1005–1064) и индийского ученого Атиши (982–1054), для того, чтобы его проповеди были понятны народу, в качестве примеров использовал фольклорные материалы. К таким сочинениям относится «Светильник пути просветления» Атиши (тиб. byang chub lam sgron, монг. bodhi mög-ün ḡula), который породил новое течение в тибетской литературе. Затем появились комментарии к «Книге примеров, собранию драгоценностей» (тиб. dpe chos rin chen spungs pa, монг. ṡliger-ün nom erdeni ṡouṡoluṡsan) и «Синей книге Потобы» (тиб. be'u bum sngon po, монг. köke tobḡimal), которые содержат сотни сказок и легенд<sup>4</sup>. Д. Ёндон в своей кандидатской диссертации проанализировал комментарии к «Ламриму»<sup>5</sup> тибетского ученого ламы Джура Ёндзина (XVIII в.) и монгольского книжника Эрэн-хамбо Лувсанцэрэна (XIX в.)<sup>6</sup>.

В 1986 году Е.А. Хамагановой была защищена диссертация «Сборник “Драгоценные четки” и его место в тибетской литературе»<sup>7</sup>. В настоящей работе автор исследует сборник «Драгоценные четки», выступающий в роли своеобразного комментария к «Комментарию к “Книге примеров, собранию драгоценностей”» Потобы. Исследователем были выявлены текстологические, композиционно-структурные и сюжетные особенности двух сборников. Ойратская версия «Комментария к “Книге примеров, собранию драгоценностей”» Потобы на материале четырех списков произведения, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН и Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, была исследована в диссертации К.В. Орловой<sup>8</sup>.

Однако вышеприведенные исследования не решают всех проблем, связанных с комментаторской литературой. В частности, остаются вопросы композиционного построения, структуры, жанровой специфики сочинений, созданных в русле данной традиции.

До настоящего времени специального исследования, посвященного изучению сборника «Сказание нектарного Учения», предпринято не было. Имеется лишь ряд работ,

<sup>3</sup> Перевод названия сборника как «Сказание нектарного Учения» приводится в соответствии с вариантом, предложенным Б.Я. Владимирцовым, Д. Ёндоном и А.Г. Сазыкиным.

<sup>4</sup> Монголын уран зохиолын тойм (Краткая история монгольской литературы). Кн. 2 (XVII–XVIII вв.). Улан-Батор: Издательство Академии наук Монголии, 1977. С. 502.

<sup>5</sup> Ламрим» (букв. ‘ступени пути’ или ‘этапы пути’) — особый жанр в средневековой тибетской буддийской литературе, отражающий методы совершенствования личности на пути просветления.

<sup>6</sup> Ёндон Д. Тибетский и монгольский комментарии к Ламриму: автореф. дис... канд. филол. наук. Улан-Батор: Институт языка и литературы Академии наук МНР, 1976. 27 с.

<sup>7</sup> Хамаганова Е.А. Сборник «Драгоценные четки» и его место в тибетской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1986. 152 с.

<sup>8</sup> Орлова К.В. Ойратская версия "Комментария к "Книге примеров, собранию драгоценностей": дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1991. 150 с.

где сборник привлекался в качестве образца письменного калмыцкого языка<sup>9</sup>, а также как сравнительный материал для анализа сюжетов тибето-монгольской литературы<sup>10</sup>. Автором настоящей диссертации опубликованы статьи, посвященные изучению мотивов, сюжетов, персонажей настоящего сборника.

**Объектом исследования** является ойратский памятник «Aršāni nomiyin tuuji» («Сказание нектарного Учения»).

**Предмет исследования** — рукописи «Сказания нектарного Учения», хранящиеся в Институте восточных рукописей РАН, Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета и Государственном архиве Республики Татарстан.

**Материалом для исследования** послужили, прежде всего, три списка неопубликованного сборника «Сказание нектарного Учения» («Aršāni nomiyin tuuji») (Списки 1<sup>11</sup>, 2<sup>12</sup>, 3<sup>13</sup>). В качестве дополнительных материалов для более глубокого и детального изучения сюжетов сборника были привлечены тексты и переводы письменных памятников, указатели международных сказочных сюжетов, фольклорные материалы. Для интерпретации буддийских терминов использовались лексикографические работы. Привлекались также религиозная литература, монографические исследования, а также личные материалы автора (2006–2021), собранные в России (Калмыкия), Монголии (г. Улан-Батор) и Китае (Синьцзянь-Уйгурский автономный район). При переводе рассказов «Сказания нектарного Учения» привлекался неполный рукописный перевод на русский язык сборника под названием «Аршāни номыйн тўджи», хранящийся в фонде А.М. Позднеева Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Ф. 44 (Позднеева). Оп. 1. Ед. хр. 109).

**Цель исследования** — комплексный анализ неизданных и малоизвестных списков ойратского письменного памятника «Сказание нектарного Учения» («Aršāni nomiyin tuuji»), хранящихся в библиотеках и архивах России, в контексте монгольской литературной традиции.

В соответствии с общей целью, в работе ставятся следующие **задачи**:

- дать общую характеристику памятника «Сказание нектарного Учения»;
- выявить и провести описание списков, относящихся к данному памятнику;
- исследовать историю изучения сборника;
- рассмотреть композиционную структуру сборника в соответствии с основными тезисами «Среднего Ламрима» Чже Цонкапы<sup>14</sup>;

<sup>9</sup> Попов А.В. Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым, ординарного профессора монгольского языка при Казанском университете... Казань: Казанск. ун-т, 1847. 392 с.

<sup>10</sup> Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra. Петроград: Академическая 12-я государственная типография, 1921. 164 с.; Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. Москва: Наука, 1989. 183 с.

<sup>11</sup> Список 1 — «Aršāni nomiyin tuuji» // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеева). Шифр С 197. 64 л.

<sup>12</sup> Список 2 — «Aršān nomiyin tuuji orošiboī» // Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm. E 6. № 1917 (старый шифр: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 л.

<sup>13</sup> Список 3 — «Aršān nomiyin tuuji orošiboī» // Буддийские легенды на калмыцком языке. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11–24.

<sup>14</sup> «Средний Ламрим» Чже Цонкапы — «Сокращённое руководство к этапам пути Пробуждения» (краткая версия «Большого Ламрима»), наиболее зрелое изложение всей системы буддийской теории и практики, где детально разъясняются путь нравственного совершенствования и техника медитации. Сочинение было завершено в 1415 году, через 13 лет после создания фундаментального «Большого руководства к этапам пути

- определить жанровую принадлежность рассказов сборника;
- дать краткий анализ сюжетов сборника;
- установить круг предполагаемых источников и вариантов сюжетов рассказов сборника;
- представить систему образов персонажей;
- исследовать трансформацию сюжетов индийской буддийской литературы, которую они претерпели в ойратской письменной традиции.

**Теоретико-методологической основой исследования** послужили теоретические принципы изучения и описания повествовательных особенностей тибетской и монгольской дидактической литературы, разработанные в трудах российских и монгольских ученых: Б.Я. Владимирцова (1921), Ц. Дамдинсурэна (1977), А.Д. Цендиной (2013); Д. Ёндона (1989), Е.А. Хамагановой (1986), К.В. Орловой (1991)<sup>15</sup>. В археографическом описании рукописей памятника учтен опыт А.Г. Сазыкина (1988, 2001, 2003), В.Л. Успенского (2003)<sup>16</sup>. При определении жанровой характеристики сборника опирались на исследования А.Д. Цендиной (1984; 2004), Л.Г. Скородумовой, И.В. Кульганек (2008)<sup>17</sup>. В основу жанровой классификации рассказов «Сказания нектарного Учения» были взяты исследования Э. Бюрнуфа (1876), М.Л. Фира (1879; 1884; 1901), Ю.М. Парфионовича (1978), С.Л. Бурмистрова (2020)<sup>18</sup>. В нахождении предполагаемых источников и вариантов сюжетов рассказов «Сказания нектарного Учения» опирались на труды М.Л. Фира (1879), У.В. Рокхилла (1897), Ц. Дамдинсурэна (1979), Ц. Дамдинсурэна, А.Д. Цендиной (1983), П.А. Гринцера (2008), Д. Ёндона (1989)<sup>19</sup>. Описание персонажей было проведено на основе работ В.Я. Проппа (1928), Г.Н. Пospelова (1988), Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новик, Д.М. Сегала (2001), Е.С. Новик (2001), А.Б. Есина (2008), Г.Г. Хазагера, Пробуждения» («Большой Ламрим»). Автором сочинений является основатель и основоположник школы Гелуг Чже Цонкапа (1357–1419). Ойратский перевод «Среднего Ламрима» был осуществлен Зая-пандитой и известен под названием «Bodhi möriyün üе» («Этапы пути просветления»).

---

Пробуждения» («Большой Ламрим»). Автором сочинений является основатель и основоположник школы Гелуг Чже Цонкапа (1357–1419). Ойратский перевод «Среднего Ламрима» был осуществлен Зая-пандитой и известен под названием «Bodhi möriyün üе» («Этапы пути просветления»).

<sup>15</sup> См.: Владимирцов Б.Я. Указ. соч., 1921; Дамдинсурэн Ц. «Рамаяна» в Монголии. М.: Наука, 1979; Цендина А.Д. О дидактической литературе монголов (XIII — середина XX века) // Mongolica-XI. Санкт-Петербург: ИВР РАН, 2013. С. 73–84; Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. М.: Наука, 1989; Хамаганова Е.А. Указ. соч., 1986; Орлова К.В. Указ. соч., 1991.

<sup>16</sup> См.: Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 1–3. М.: Восточная литература, 1988, 2001, 2003; Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Centre), 2001.

<sup>17</sup> См.: Цендина А.Д. Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские повествовательные традиции: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1984; Термины тууль, тууж, туух, улгэр, домог, намтар, падиг, судар, шастир в старой монгольской литературе // Монгольский сборник: тексты и контексты. Сер. «Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности». Вып. 54. М.: РГГУ, 2015. С. 7–29. Скородумова Л.Г., Кульганек И.В. Отчет по гранту «Цивилизация кочевников...». Спб., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orientalstudies.ru> (дата обращения 15.11.2023).

<sup>18</sup> См.: Burnouf E. Introduction à l'histoire du Buddhism Indian. Paris: Maisonneuve et c<sup>ie</sup> libraires-éditeurs, 1876; Feer M. Etudes bouddhiques. Le livre des cent legendes (Avadana-çataka). Journal Asiatique Ou Recueil De Memoires (septieme Serie Tome.14). 1879; Les Avadan Jatakas // Journal Asiatique Ou Recueil De Memoires. 1884. Tom IV. Paris: A l'imprimerie nationale; «Le Karma-Çataka». Journal Asiatique. 1901. Vol. 17; Сутра о мудрости и глупости (Джанлундо) / Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М.: Наука, 1978; Бурмистров, С.Л. Типология буддийских дидактических текстов в «Компендиуме Абхидхармы» Асанги // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 14. № 1 (вып. 40). С. 67–82.

<sup>19</sup> См.: Feer M. Указ. соч., 1879; Rockhill W.W. Tibetan Buddhist Birth-Stories: Extracts and Translations from the Kandjur. In: Journal American oriental society. Ed. by Ch.R. Lanman and G.F. Moore. Vol. 18. First half. New Haven: Yale University, 1897. P. 1–14; Дамдинсурэн Ц. Указ. соч., 1979; Дамдинсурэн Ц., Цендина А.Д. Тибетский сборник рассказов из Панчатантры. Улан-Батор: ШУАХ, 1983. CsM. Т. 20. Fasc. 3; Гринцер П.А. Древнеиндийская литература. М.: РГГУ, 2008; Ёндон Д. Указ. соч., 1989.

И.Б. Лобанова (Хазагеров, Лобанов 2009)<sup>20</sup>.

В диссертационном исследовании применены методы описательного, текстологического, структурного, сравнительно-типологического и сравнительно-сопоставительного анализа письменных литературных памятников, а также синоптический анализ, позволяющий выявить общие и локальные особенности сюжетов сборника «Сказание нектарного Учения». Комплексный подход к изучаемым проблемам в наибольшей мере обеспечивает научную объективность в изучении ойратского сборника.

**Научная новизна исследования** состоит в том, что ойратский памятник «Сказание нектарного Учения» («Aršāni nomiyin tuujī») впервые стал объектом специального исследования:

- дана общая характеристика памятника «Сказание нектарного Учения»;
- выявлены и описаны три списка памятника, хранящиеся в Санкт-Петербурге и Казани;
- исследована история изучения сборника; установлено, что текст сборника использовался исследователями как иллюстративный материал для изучения языка и как дополнительный сравнительный материал для изучения сюжетов других сочинений;
- рассмотрена композиционная структура сборника в соответствии с основными тезисами и тремя разделами «Среднего Ламрима» Чже Цонкапы;
- определена жанровая принадлежность рассказов, сюжеты которых были заимствованы из буддийских канонических текстов; рассказы ойратского сборника представляют собой переработку разных жанров тибетской и древнеиндийской литератур;
- дан краткий анализ сюжетов сборника, установлен круг их предполагаемых источников и вариантов, восходящих к различным популярным санскритским и тибетским сочинениям;
- изучена система персонажей рассказов ойратского сборника; установлено, что для внутрисюжетного функционирования персонажей сборника важным оказывается не только то, какую роль и функции они выполняют, но и то, какими внутренними и внешними характеристиками они наделены, поскольку именно они соответствуют их действиям в тексте;
- исследована трансформация сюжетов индийской буддийской литературы, которую они претерпели в ойратской письменной традиции. Это сюжеты «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы»; «Волшебник и его конь»; «Хождение в буддийский ад».

**Положения, выносимые на защиту:**

1. «Сказание нектарного Учения» — один из ойратских буддийских сборников, занимающий важное место в ойратской комментаторской литературе. Он разъясняет с помощью художественных примеров основные положения буддийского трактата «Ламрим».

---

<sup>20</sup> См.: Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Ленинград: Academia, 1928; Введение в литературоведение: учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Пospelов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др.; под ред. Г.Н. Пospelова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1988; Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 11-121; Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 122-162; Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008; Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Основы теории литературы: учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.

2. «Сказание нектарного Учения» — компилятивный сборник, состоящий из шестидесяти четырех лаконичных повествований, встречающихся в различных произведениях индо-тибетской литературы. В него включены переложения житийных историй о подвигах бодхисаттв<sup>21</sup>, предания и легенды, связанные с настоящими и вымышленными эпизодами из жизни и деятельности небожителей, божеств, учеников и последователей Будды.

3. Для рассказов сборника характерна упрощенная композиционная структура: разные части текста в неодинаковой степени подверглись сокращениям — в частности, сократился объем пространных описаний, развернутых сравнений. В результате сюжеты рассказов ойратского сборника обрели сжатость, основное внимание сконцентрировано на поступках героев, действие разворачивается остро и динамично.

4. Для внутрисюжетного функционирования персонажей сборника важным оказывается не только то, какую роль и функции они выполняют, но и то, какими внутренними и внешними характеристиками они наделены, поскольку именно они соответствуют тем действиям, в которых настоящие персонажи принимают участие.

5. Наличие в ойратском сборнике бродячих сюжетов объясняется тем, что источники рассказов восходят к древнеиндийской книжной традиции. Сравнительный анализ сюжетов рассказов «Сказания нектарного Учения» с известными книжными памятниками Востока дает нам возможность выявить общие и локальные черты в развитии повествовательной литературы ойратов, что подтверждает их связь с тибетской и древнеиндийской литературами.

**Научно-практическая значимость диссертации** состоит в том, что представленные в ней материалы, наблюдения и выводы существенно расширяют представления об ойратской дидактической литературе, а именно о сочинениях, комментирующих буддийский трактат «Ламрим». Результаты работы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по истории монгольской и ойратской литератур, а также при написании пособий, чтений курсов по ойратской (калмыцкой) литературе, истории буддизма у ойратов и при составлении учебно-методических программ.

**Апробация работы.** Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на следующих российских и международных конференциях: 1) Международной научной конференции «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» (Элиста, 2007); 2) XXIV Международной научной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, 2007); 3) Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения (Санкт-Петербург, 2008); 4) VI съезде востоковедов России (Улан-Удэ, 2008); 5) X Международной научно-практической конференции «Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии» (Новосибирск-Семей, 2008); 6) III Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока» (Санкт-Петербург, 2008); 7) Международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (Элиста, 2009); 8) III Международном симпозиуме «Мир буддийской культуры: наследие и современность» (Чита – Агинское, 2010); 9) IV Международном семинаре «Письменное наследие и

---

<sup>21</sup> Бодхисаттва (санск. bodhisattva букв. 'обладающий просветленной сущностью', тиб. byang chub kyi sems *id.*, ойр. bodhi sadv *id.*) — существо, отказавшееся от достижения нирваны ради спасения других.



актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов» (Улан-Удэ, 2021); 10) IX Доржиевских чтениях «Буддизм и современный мир» (Санкт-Петербург, 2021); 11) Международной научной конференции «International Symposium on the Exchange and Blending of Silk Road and Multi-ethnic Languages and Literature» (Ланьчжоу, КНР, 2023); 12) Международной научной конференции «Третьи Ковалевские чтения» (Казань, 2023); 13) VI Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания» при поддержке Президента Монголии (Улан-Батор, 2023); 14) Международной научно-практической конференции «Фольклор и фольклористика XXI в.: актуальные направления и решения» (Уфа, 2023); 15) Международной научной конференции «Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте» (Элиста, 2023); 16) Международной научной конференции «Рукописное наследие Востока» (Санкт-Петербург, 2024); 17) Международной научной конференции «“Ясное письмо” и его наследие» (Элиста, 2024); 18) Международной научной конференции «Вклад академической фольклористики в развитие отечественной гуманитарной науки (К 300-летию Российской академии наук)» (Москва, 2024); 19) Международной научной конференции «Изучение искусства и литературы: инновации» (Улан-Батор, 2024); 20) Седьмых петербургских монголоведных чтениях (Санкт-Петербург, 2024); 21) Международном симпозиуме «“The Belt and Road” International Symposium Languages and Literature Exchange and Mutual Learning» (Ланьчжоу, КНР, 2024).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела Центральной и Южной Азии ФГБУН Институт восточных рукописей РАН. Ее положения нашли отражения в 17 опубликованных работах (6 п.л.), в том числе в 5 статьях из списка журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ по специальности 5.9.2. «Литературы народов мира» (4,4 п.л.), из которых 3 являются индексируемыми в международных реферативных базах данных Scopus и/или Web of Science, в том числе один журнал с показателями Q1.

**Объем и структура работы.** Объем диссертации составляет 262 страницы текста. Текст исследования состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списков сокращений, использованных источников и литературы (302 наименования), а также Приложения, содержащего транслитерацию одного списка сборника (*Список 1*), 28 страниц.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, выявляется степень ее изученности, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, характеризуются теоретико-методологическая основа и источниковедческая база исследования, раскрывается научная новизна и научно-практическая значимость работы, излагаются выносимые на защиту положения.

Первая глава «**Общая характеристика сборника «Arṣāni nomiṃin tuuḷi» («Сказание нектарного Учения»)**», состоящая из четырех параграфов, посвящена описанию рукописного сборника и его списков, изложению истории изучения сборника, характеристике его композиционной структуры и жанрового состава. Отмечается, что «Сказание нектарного Учения» — один из известных ойратских буддийских сборников, бытовавших в XVII – начале XX вв. среди ойратов. Интерес к настоящему сборнику, восходящему к тибетской и древнеиндийской книжной традиции, всегда был высок со стороны ойратского монашества, книжников и мирян, владевших ойратской

письменностью «тодо бичик», о чем свидетельствуют списки из частных собраний, зафиксированные исследователями среди калмыков России и ойратов Китая, а также высказывания А.В. Попова, Г.С. Лыткина и Н. Очирова. Исследователи Б. Бергманн, А.В. Попов, К.Ф. Голстунский, Б.Я. Владимирцов, Г.И. Михайлов, Ц. Дамдинсүрэн, А.Г. Сазыкин, К.В. Орлова, Н.С. Яхонтова, А.В. Бадмаев, Б.А. Бичеев, Д.Н. Музраева, С.В. Мирзаева и другие отмечали, что некоторые ойратские дидактические сборники (в том числе и «Сказание нектарного Учения») являются переводными. Однако в том, что касается «Сказания нектарного Учения», прямых доказательств пока не обнаружено: тибетский текст такого содержания не известен. Разнообразие источников, которые использовал автор-составитель сборника, может свидетельствовать о том, что он обращался к источникам, уже переведенным на ойратский язык.

Параграф 1.1 «Списки “Сказания нектарного Учения”» посвящен описанию трех списков (*Списки 1, 2, 3*), хранящихся в России. Сравнительно-сопоставительный анализ списков сборника показал, что порядок рассказов в них различен, однако тексты рассказов практически идентичны, за исключением небольших различий (окончания слов, некоторые пропуски, сокращения, различное написание слов). Наиболее ранним текстом из них, судя по языку, является текст *Списка 1*, хранящийся в отделе рукописей и документов ИВР РАН, переписанный И.И. Поповым<sup>22</sup>. Тексты двух последних списков (*Список 2 и 3*) одинаковы, что дает основание предположить, что у них был общий источник, либо, что Список 3 был переписан со Списка 2, когда тот хранился еще в Казанском университете.

В параграфе 1.2 «История изучения сборника» приводится история изучения сборника «Сказание нектарного Учения» исследователями А.В. Поповым, Г.С. Лыткиным, Б.Я. Владимирцовым, Д. Ёндоном. Сборник активно привлекался исследователями в качестве важного дополнительного материала в изучении отдельных сюжетов тибето-монгольских дидактических сборников («Монгольский сборник рассказов из “Pañčatantra”», «Комментарии к “Капле, питающей людей”, «Комментарии к “Субхашите”»»), либо использовался для иллюстрации образцов письменного калмыцкого языка («Грамматика калмыцкого языка», 1847). Автором настоящей диссертации опубликован ряд отдельных статей, посвященных изучению списков, сюжетов, персонажей настоящего сборника. «Сказание нектарного Учения» до настоящего исследования не было предметом специального изучения.

В параграфе 1.3 «Тематическое содержание и композиционная структура сборника» рассматривается композиционная структура сборника. «Сказание нектарного Учения» состоит из шестидесяти четырех лаконичных повествований, взятых из различных источников индо-тибетской литературы. В него включены переложения житийных историй о подвигах бодхисаттв, предания и легенды, связанные с настоящими и вымышленными эпизодами из жизни и деятельности небожителей, божеств, святых, учеников и последователей Будды. Много места уделено историям о мирянах, монахах и вредоносных существах. Предваряет все истории общее введение, традиционное поклонение для многих буддийских текстов: «Поклоняюсь высшим ламам!». Затем следуют шестьдесят четыре рассказа подряд, без формального выделения, что вызвало у нас необходимость показать принцип их тематического деления. В основном все рассказы в сборнике имеют вполне законченную композиционную структуру и сюжетно самостоятельны. Однако встречаются

---

<sup>22</sup> И.И. Попов (1859-?) — собиратель фольклора донских калмыков, переписчик письменных памятников на ойратском языке.

очень короткие рассказы, в которых сюжеты недостаточно развернуты и закончены. Содержание некоторых таких рассказов можно понять, лишь ознакомившись с древнеиндийскими и тибетскими источниками. Все рассказы сборника, кроме четвертого, завершаются заключительной сентенцией. Сентенции в рассказах призваны усилить и выделить заложенную в поучении мораль, соответствующую основным принципам «ламрима». Впервые на связь рассказов «Сказания нектарного Учения» с ранним сочинением класса «ламрим» обратил внимание Г.Ю. Лыткин (*Каталог*)<sup>23</sup>. Примеры-рассказы ойратского сборника в сопоставлении с тезисами «Среднего Ламрима» Чже Цонкапы показывают, что они могли служить иллюстративным материалом в комментарии трактата «Ламрим», делали его доступным и понятным для простых слушателей. Все рассказы поделены автором исследования на три группы, согласно с этапами духовного развития трех типов личности (низший, средний, высший). В рассказах об этапе духовного развития «низшей» личности говорится о личности, стремящейся уменьшить страдания, связанные с пребыванием в сансаре, с помощью добродетелей и благой кармы избежать рождения в низших мирах и родиться в следующей жизни среди божеств либо людей; в рассказах об этапе духовного развития «средней» личности — о личности, стремящейся достигнуть нирваны и освободиться от страданий сансары; в рассказах об этапе духовного развития «высшей» личности — о личности, стремящейся достигнуть состояния будды и освободить не только себя, но и все другие живые существа от страданий сансары. В начале каждого раздела дается общая характеристика рассказов, затем приводятся цитаты из «Ламрима» с поясняющими примерами-рассказами из ойратского сборника. По принципу объединения разнородных рассказов сборник «Сказание нектарного Учения» можно отнести к компилятивному сборнику, не обладающему стройностью композиции и четкой организацией материала. По своей целевой установке он разъясняет основные положения буддийского трактата «Ламрим» с помощью художественных примеров. «Сказание нектарного Учения» — это своеобразное руководство для монахов по разъяснению основ буддизма мирянам.

Параграф 1.4 «**Жанровая принадлежность рассказов сборника**» рассматривает рассказы ойратского сборника по их жанровой принадлежности. Г.С. Лыткин в «Каталоге книг рукописным, употребляемым правоверными ойратами» (1859-1860) рассказы из «Сказания нектарного Учения» называет «притчами» (см. *Каталог*). Применяв европейский термин «притчи», составитель каталога попытался донести до русскоязычного читателя содержимое сборника. «Притча — эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме»<sup>24</sup>. При сравнении притч с ойратскими рассказами действительно обнаруживается их схожесть в назидательном характере, поучениях и даже в композиционной структуре. Однако в настоящем исследовании при определении жанровой принадлежности рассказов «Сказания нектарного Учения» делается акцент на их происхождении, берущем истоки из древнеиндийской литературы (джатак, авадан, нидан и др.).

Классификация жанров буддийских дидактических текстов все еще остается не до конца изученной в современной отечественной и зарубежной науке. Изыскания в этом

<sup>23</sup> Каталог книг рукописным, употребляемым правоверными ойратами, составленный в 1859–1860 гг. Г.С. Лыткиным // Научная библиотека Восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. С. 23. № 1877. Л. 10.

<sup>24</sup> Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. Иститут научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 808.

направлении позволят определить жанры буддийских наставлений, а значит, и способы проповеди буддийского учения, и типы слушателей, которым она была адресована.

В основу жанровой классификации рассказов «Сказания нектарного Учения» были положены типы проповедей буддизма, рассмотренные С.Л. Бурмистровым в древнеиндийском философском трактате «Компендиум Абхидхармы»<sup>25</sup>. Впервые настоящая классификация типов буддийской литературы с подробным описанием каждого из них была применена в трудах европейских исследователей Б.Х. Ходжсона в «Мемуарах о буддизме», Э. Бюрнуфа во «Введении в историю индийского буддизма»<sup>26</sup>. Из двенадцати древнеиндийских типов проповедей в ойратском сборнике выявлено семь типов: 29 текстов авадан (санскр. *avadāna*), 15 текстов джатак (санскр. *jātaka*), 6 текстов адбхута-дхармы (санскр. *adbhuta-dharma*), 6 текстов нидан (санскр. *nidāna*), 1 текст вьякаран (санскр. *vyākaraṇa*). Кроме того, выявлено 6 текстов «хождений в ад» («видений ада») и 1 отрывок из древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

Аваданы представлены в ойратском сборнике, в основном, в сокращенном и трансформированном виде, в них изменился акцент самих повествований, произошла унификация организации текстов. Двадцать девять текстов авадан подверглись существенным качественным изменениям идейного, композиционного и стилистического характера. Аваданы в ойратском сборнике используются преимущественно для иллюстрации тем рассказов о «низшей» и «средней» личности. В рассказах о «низшей» личности доминирует тема кармы, причинно-следственной связи, неизбежности наказания и воздаяния и бренности бытия. Рассказы сборника призваны показать бренность сансары, указать путь спасения и дать образец поведения идеальной монашеской личности, к которому должны стремиться верующие. Наряду с религиозными, в этих рассказах звучат и светские мотивы, порицаются человеческие пороки: распутство, ложь, злословие, грубость, пустословие, алчность, злоба. Темы рассказов о «средней» личности представлены историями, проповедующими необходимость образцового поведения монахами для достижения состояния архата. Основным мотивом является отказ от всех земных привязанностей, желаний как единственно верный путь к прекращению страданий. Для того, чтобы показать, насколько сократились классические древнеиндийские аваданы в ойратской версии, приводятся два рассказа из «Сказания нектарного Учения» в сопоставлении с аналогичными повествованиями из его источника — «Кармашатаки». Большинство рассказов-авадан ойратского сборника, несмотря на свою краткость, все еще сохраняют четырехкомпонентную структуру авадан (экспозиция, рассказ «о настоящем», рассказ «о прошлом», заключение), основные принципы изображения событий — контраст, прием нагнетания, сжатость и динамичность.

В ойратском сборнике для иллюстрации «средней» личности, кроме авадан, используются рассказы о «хождении в буддийский ад» (рассказы № 20, 26, 33, 42, 43, 62). Сюжет «видений буддийского ада», зародившийся в Индии в начале тысячелетия, проделав долгий путь во времени и пространстве, широко распространился в письменной традиции народов Востока. Общую структурную модель историй «хождения в ад» можно представить следующим образом: недовольство, отлучка, посещение ада, возвращение. В

<sup>25</sup> Бурмистров С.Л. Типология буддийских дидактических текстов в «Компендиуме Абхидхармы» Асанги // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 14. № 1 (вып. 40). С. 67-82.

<sup>26</sup> Burnouf E. Introduction à l'histoire du Buddhism Indian. Paris: Maisonneuve et c<sup>ie</sup> libraires-éditeurs, 1876. С. 44-58.

композиции эти функции распределяются на двух уровнях. На первом даётся краткая экспозиция, представляющая сведения о герое и месте действия. В ней также может объясняться причина рождения человека претом<sup>27</sup> в аду. Повод к изменению места действия даётся в завязке. Основное действие разворачивается на втором композиционном уровне, где приводится описание хождения главного героя по аду, здесь мы видим картины адских мук грешников, которые совершили плохие деяния в прошлом рождении. В исследуемом сборнике рассказы, связанные с хождением в буддийский ад, сохраняя основные признаки авадан и агиографических сочинений, претерпели в своем повествовательном содержании структурные изменения: в них сокращается и упрощается сюжетная схема, видоизменяется композиция, меняется функциональность отдельных компонентов, изъято изображение перемещения героя в ад, сокращены описания страданий в аду, не во всех рассказах дано объяснение причины рождения человека в аду в виде прета. Тексты приобрели лаконичность, сжатость.

Среди рассказов «Сказания нектарного Учения» пятнадцать текстов относятся к джатакам. Характерной чертой джатака является роль главного героя в повествовании. Активным действующим лицом «рассказов о прошлом» и участником событий, послуживших поводом для таких историй, выступает Будда Гаутама. Джатаки, будучи ведущим жанром древнеиндийской повествовательной литературы классического периода, отличались чередованием прозы и стихов (*gāthā*). Джатаки ойратского сборника утратили основные структурные элементы классической буддийской джатаки. Стихи «*gāthā*» с грамматическими комментариями встречаются лишь в семи рассказах: № 6, 25, 27, 28, 31, 37, 38. Практически во всех джатаках отсутствует «прошлый сюжет». Сохраняются лишь «нынешний сюжет» и заключительная «связывающая» часть. Следует отметить, что в рассказах № 8, 24, 37, 38, 39, 45 в заключительной части отсутствует отождествление рассказчика-Будды, и только благодаря источникам («Кармашатака», «Аваданашатака», «Палийские джатаки» и др.) можно понять, что это джатаки. Сопоставление джатака из «Сказания нектарного Учения» с древнеиндийскими джатаками позволяет отметить, что они подверглись существенным сокращениям. Практически все функции сокращены, даже главный эпизод жертвования представлен в ойратском сборнике очень сжато и сухо, в кульминации отсутствует «резонирующая среда», которая обычно создается другими героями (близкие, родственники, ханская свита, подданные, ученики и др.), выражающими свои эмоции по поводу поступка героя. В ойратском сборнике опущены различные описания, отмечается экономия речевых средств выражения. Композиция всех рассмотренных джатака подчинена максимальному раскрытию положительных качеств главного героя — бодхисаттвы.

Шесть рассказов (№ 5, 34, 48, 54, 58, 63) сборника относятся к типу наставлений адбхута-дхарм (санскр. *adbhuta-dharma*, букв. «рассказы о чудесах»). Будды и бодхисаттвы, чтобы объяснить суть буддийского учения, часто прибегают к чудесам. В них разъясняется, что все предметы материального мира не истинны, не вечны и рассматривать их нужно как иллюзию.

В рассказах № 17, 25, 31, 47, 49, 50, относящихся к типу наставлений нидан (санскр. *nīdāna*, букв. «рассуждение»), последователи Будды с вопросами обращаются к самому Будде и получают на них конкретный ответ. Суть настоящего жанра, как пишет

---

<sup>27</sup> Преты (санскр. *preta* 'голодный дух', ойр. *birid id.*) — существа, пребывающие в преддверии ада и испытывающие муки голода и жажды

С.Л. Бурмистров, заключается в том, чтобы «прояснить для ученика какой-то вопрос, и здесь проповедник уже не прибегает к методам суггестии, опирающимся на работу с ритмом слова или интонацией, а дает вполне рациональный ответ на прямой вопрос слушателя»<sup>28</sup>. В рассказах герои обращаются к Будде с просьбой разъяснить им причины страдания в сансаре, цеплянии за «я», «омрачениях» ума и сострадании.

Шесть рассказов (№ 2, 20, 35, 45, 59, 64), относящихся к типу наставлений вькаран (санскр. *vyākaraṇa*, букв. «объяснение, анализ»), демонстрируют нам прошлую жизнь учеников Будды (Шарипутра, Ананда, Маудгальяна, Субхути, Махакашьяпа) в различных прежних существованиях, в далеком прошлом и в разных местах.

Среди рассказов «Сказания нектарного Учения» имеются истории, взятые из таких произведений древнеиндийской светской литературы как «Панчатантра» и «Рамаяна». Рассказ № 44 о сотворении ненастоящего сына Рамана-хана является видоизмененным эпизодом знаменитого древнеиндийского эпоса «Рамаяны», в котором говорится, что Сита, находясь в изгнании, в обители мудреца Вальмики родила двух прекрасных, как утренняя заря, мальчиков Кушу и Лаву — сыновей великого Рамы.

Истории ойратского сборника, заимствованные из различных источников, претерпели значительное сокращение и переработку сюжетов. В них наблюдается переплетение двух элементов повествования, где занимательность сюжетного повествования сочетается с назидательностью и поучением. Иллюстрация содержания рассказов помогала слушателям понять основные положения «Ламримы».

Во второй главе **«Сюжеты и персонажи рассказов “Сказания нектарного Учения”»**, состоящей из трех параграфов, выявляются возможные источники и варианты сюжетов рассказов ойратского сборника, проводится литературоведческий анализ персонажей и предлагается их систематизация.

Параграф 2.1 **«Источники сюжетов»** устанавливает круг возможных источников сюжетов рассказов «Сказания нектарного Учения».

Сюжеты рассказов ойратского сборника восходят к различным сочинениям древнеиндийской литературы. Известно, что индийские сюжеты к ойратам попали посредством тибетской литературы. Индийские сочинения были настолько популярны в Тибете, что со временем вошли в состав тибетского канона («Кагьюр», «Тенгьюр»).

В самом сборнике «Сказание нектарного Учения» указан лишь один источник — «Кармашатака» (санскр. *karmaśataka*) букв. «Сто деяний» или «Сто карм», ойр. «*Zoun üyiletü*» *id.*), представляющий собой сутру, состоящую из историй и авадан, легендарных повествований, связанных с именем Будды Шакьямуни, широко известный в санскритской буддийской литературе и ее переводах. Ссылка на источник имеется перед началом второго рассказа: ««Кармашатака» из раздела сутр [в тибетском каноне]». Источники остальных историй не указаны, но близкие им сюжеты удалось обнаружить в различных сочинениях древнеиндийской и тибетской литератур. Проанализировав сюжеты рассказов «Сказания нектарного Учения», мы пришли к выводу, что кроме второго рассказа, еще девятнадцать рассказов имеют сходство с историями и эпизодами «Кармашатаки», что составляет треть сборника. Истории, представленные в «Кармашатаке», более полные и содержательные, очевидно, что истории из «Сказания нектарного Учения» являются лишь их краткими пересказами.

---

<sup>28</sup> Бурмистров С.Л. Указ. соч. 2020. С. 73.

Следующим предполагаемым источником сюжетов рассказов ойратского сборника является санскритский сборник «Аваданапатака» (санскр. «Avadānaśataka», букв. «Сто авада»), близкий по содержанию и стилю к «Кармашатаке». К четырнадцати историям из сборника «Сказание нектарного Учения» удалось найти шестнадцать близких историй и эпизодов из «Аваданапатаки». В общей сложности к 29 рассказам «Сказания нектарного Учения» были обнаружены 60 близких им историй и эпизодов в «Кармашатаке» и «Аваданапатаке», что составляет почти половину ойратского сборника.

Ряд историй из «Сказания нектарного Учения» перекликается с сюжетами из других сутр, входящих в различные разделы тибетского буддийского канона «Кагьюр»: «Ратнакута» («Куча драгоценностей»), «Различные сутры», «Дулва». В отдельном списке рукописи 54 джатак из III и IV тома раздела Дулва, составленном в конце XIX века американским тибетологом У.В. Рокхиллом, выявлено несколько сюжетов, схожих с рассказами ойратского сборника (№ 21, 24, 37, 39, 39). Кроме того, в этом же списке Рокхилла приводятся 19 джатак из «Джанлундо» («Сутра о мудрости и глупости»), с которыми близки рассказы № 1, 10, 21, 24, 38. Рассказы «Сказания нектарного Учения» № 11, 20, 23 перекликаются с сюжетами джатак санскритского сборника «Джатакамала» — «Гирлянда джатак» Арья Шуры (IV в. н.э.). В ойратском переводе «Джатакамалы» в редакции Рангджунг Дордже, осуществленном в XVII веке Зая-пандитой под названием «Burxani zoun töröli-yin touji» («Истории ста рождений Будды») с сюжетами «Сказания нектарного Учения» соотносятся джатаки: №51 «Король Брахмадатта» — рассказ № 1 «Сказания нектарного Учения», № 90 «Достойный принц (Пуньябала)» — № 63 «Сказания нектарного Учения».

Большинство джатак и авада тибетского канона изначально находились в палийском каноне — Трипитака (букв. ‘три корзины’, ‘три текста’ — Виная-питака, Сутта-питака, Абхидхамма-питака), в связи с чем в ойратский сборник вошли близкие им сюжеты. Версия Канона на пали считается единственной, сохранившейся полностью.

В «Сказании нектарного Учения» имеется ряд историй с сюжетами, имеющими параллели в древнеиндийских памятниках «Панчатантра» и «Рамаяна».

Несколько сюжетов «Сказания нектарного Учения» (например, «Рассказ о женщине-прете» (№ 26), «Антилопа Руру» (№ 39), «Подношение лампадой» (№ 40)) имеют сходство с сюжетами других комментаторских сборников: «Комментарии к “Книге примеров, собранию драгоценностей”», составленном в XII веке учеником знаменитого тибетского проповедника Потобы (1027–1105) — Шейрабом Дордже; «Драгоценные четки», составленном в XIV веке Балдан Ешеем; «Комментарий к “Субхашите”» и «Комментарий к “Капле, питающей людей”».

Обзор возможных источников сюжетов «Сказания нектарного Учения» показывает, что они восходят к различным популярным санскритским и тибетским сочинениям. Выявленные произведения, из которых автор брал материал для своего труда, не исчерпывают всего многообразия предполагаемых использованных им творений прошлых эпох. Проведенный нами литературоведческий анализ доказывает компилятивную по содержанию структуру сборника. В рассказах «Сказания нектарного Учения» четко прослеживаются изменения сюжетов. Для них характерна упрощенная композиционная структура: разные части текста в неодинаковой степени подверглись сокращениям — в частности, сократился объем пространных описаний, развернутых сравнений. В результате сюжеты рассказов ойратского сборника обрели сжатость, основное внимание

сконцентрировано на поступках героев, действие разворачивается активно и динамично. Все это в совокупности в значительной степени упростило восприятие содержания рассказов.

В параграфе 2.2 **«Анализ сюжетов сборника и их вариантов»** рассматриваются все сюжеты ойратского сборника, их возможные источники и варианты, с учетом опыта Д. Ёндона, представленного в труде «Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур» (1989). Каждый сюжет описан по следующей схеме (при наличии): краткий его пересказ, его возможные источники, затем распространенность исходного сюжета и его адаптация в памятниках тибетской, монгольской и ойратской литератур. Проведенное исследование показало, что сюжеты некоторых рассказов сборника являются известными и популярными, в связи с чем нами указываются ссылки на несколько источников и вариантов. В некоторых случаях установить сюжеты, близкие к рассказам, не удалось (рассказы № 5, 7, 17, 22, 23, 28, 31, 41, 42, 43, 47, 49, 50, 59).

В параграфе 2.3 **«Система персонажей “Сказания нектарного Учения”»** проведено описание системы персонажей ойратского сборника. Персонажи рассмотрены по роли, которую они играют в рассказе (классификация Г.Н. Пospelова, А.Б. Есина, Г.Г. Хазагерова, И.Б. Лобанова); по функциям (систематизация В.Я. Проппа); по внутренним и внешним семантическим характеристикам (классификация Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Д.М. Сегала, Е.С. Новик).

Рассмотрение персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения» позволяет сделать вывод, что для их внутрисюжетного функционирования важным оказываются не только их роли и функции, но и внутренние и внешние характеристики. Персонаж действует четко в парадигме своей характеристики, которая обыгрывается в рассказе, определяет стиль поведения и роль действующего лица в конкретных ситуациях.

Третья глава **«Бродячие сюжеты в “Сказании нектарного Учения”»**, состоящая из трех параграфов, посвящена исследованию сюжетов «Сказания нектарного Учения», которые можно отнести к бродячим (в разных литературоведческих исследованиях – блуждающим, кочующим, заимствованным) сюжетам, встречающимся в устной и письменной традициях разных народов, некоторые из них отмечены в национальных, региональных и международных указателях сказочных сюжетов. Нахождение в ойратском сборнике бродячих сюжетов объясняется тем, что источники рассказов восходят к древнеиндийской книжной традиции. Сюжеты рассказов, попав через Тибет в ойратскую литературу, подверглись некоторой обработке и существенно сократились в объеме. Сравнительный анализ сюжетов рассказов «Сказания нектарного Учения» с известными книжными памятниками Востока даст возможность выявить общие и локальные черты в развитии повествовательной литературы ойратов, что может подтвердить их связь с тибетской и древнеиндийской литературами.

В параграфе 3.1 исследуется сюжет **«Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы»** (рассказы № 24, 27, 37, 39). Данный сюжет упоминается в различных каталогах, указателях, публикациях, письменных и устных памятниках: в каталоге Аарне-Томпсона-Утера — ATU 160, в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» — № 160; в «Указателе сюжетов монгольских сказок» Л. Лёринца — № 26; в книге Л. Бёдкера «Индийские сказки о животных» — № 1120; в палийских «Джатаках» — № 73 «Джатака об истине; в «Панчатантре», переведенной с санскрита А.Я. Сыркиным, — глава №9 «Благодарные животные»; в монгольской



«Панчатантре», опубликованной Б.Я. Владимирцовым, — № 12 «Благодарные животные и неблагодарный человек», в «Комментарии к “Капле, питающей людей”» — № 12. Сюжет ATU 160 в «Сказании нектарного Учения» подвергся незначительной обработке, в первом рассказе сборника в какой-то степени даже соединяется с местной сказочной традицией. В рассказах ойратского сборника спасителями выступают: Номду Баясугчи (праведник), хромой гелонг, обезьяна-бодхисаттва и бодхисаттва в облики антилопы Руру; в древнеиндийских сюжетах: бодхисаттва-подвижник (73-я палийская джатака), путешественник (индийский сюжет, отмеченный Л. Бёджером), некий человек (12-й рассказ из монгольской «Панчатантры»), некий человек (9-й рассказ из «Панчатантры», переведенной с санскрита), царь обезьян (палийская «Джатака о великодушной обезьяне и предателе»), бодхисаттва в облики антилопы Руру (палийская «Джатака об олене Руру»). Спасенные звери, люди: в первом рассказе «Сказания нектарного Учения» — лиса, змея, мышь и пчела, в последующих трех рассказах — это 1–2 человека; в семьдесят третьей палийской джатаке — змея, крыса, попугай и сын бенаресского царя Дуттха-кумара («Порченный»); в индийском сюжете, отмеченном Л. Бёджером, — обезьяна, змея, тигр и ювелир; в двенадцатом рассказе монгольской «Панчатантры» — ястреб, змея, мышь и человек; в девятом рассказе из «Панчатантры», переведенной с санскрита, — тигр, обезьяна, змея и человек; в палийской «Джатаке о великодушной обезьяне и предателе» и «Джатаке об олене Руру» — человек. Лодка из сюжета ATU 160, перевозящая тонущих людей и животных через бурную глубокую реку с одного берега на другой, символизирует парамиту (санскр. *rāgamita* ‘ведущий на другой берег’ — шесть взаимосвязанных действий (щедрость, этика, терпение, усердие, медитация, мудрость), «переправляющих на тот берег океана существования», то есть приводящих к просветлению). Яма или заброшенный колодец символизируют Нижний мир, то есть ад. Животные и человек, попавшие в водный поток, либо в яму (заброшенный колодец) и находящиеся на грани смерти, являются грешниками, совершившими в своих предыдущих рождениях грехи. Сюжет «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы», воплощенный в ряде текстов, свидетельствует о единстве индо-тибето-монголо-ойратского литературного фонда.

Параграф 3.2 посвящен изучению сюжета **«Волшебник и его конь»**. Аналоги данного сюжета имеются в ATU 2024: 1531 «Жизнь есть сон (Калиф на час) и 905A\*=AA\*901 I=K 757A «Королева (царица) и жена сапожника». На материале тибетских и монгольских источников данный сюжет был впервые выявлен Д. Ёндоном. Рассказы с сюжетом «Волшебник и его конь», входящие в списки «Сказания нектарного Учения» (№ 34, 48, 54, 58), восходят к тибетским и индийским источникам. Во всех произведениях волшебник показывает герою видение (иллюзию) и перед глазами героя жизнь проходит за очень короткое время (чай, налитый ханом, еще не успел остыть; нитки лежат на том же месте, что и до исчезновения героя). Концепция иллюзорности и концепция мгновенности человеческой жизни в общем потоке бытия, отраженные в этих произведениях, навеяны буддизмом и древнеиндийской философией. Следует также отметить, что несмотря на распространенность сказочного сюжета «Волшебник и его конь» в произведениях разных народов мира, он до сих пор не стал достоянием научной общественности и не учтен во многих указателях сюжетов. Сюжет «Волшебник и его конь» получил также широкое распространение в устном бытовании. Характерно, что его содержание в монгольской сказочной традиции постоянно подвергалось изменениям. В результате в некоторых

случаях первоначальная идея истории — «идея мгновенности человеческой жизни в общем потоке бытия» — была отодвинута на задний план.

В «Сказании нектарного Учения», вне сюжета «Волшебник и его конь», имеются рассказы, где волшебник помогает родителям вновь обрести временно отсутствующих (рассказ № 44) или умерших детей (рассказ № 48). В рассказе № 5 волшебник настолько хитер, что обманывает алчного монаха, за бирюзовые четки (на самом деле они были из шерсти и грязи) ему удается заполучить полтуши барана, хорошего скакуна и одежду. В рассказе № 63 волшебник с помощью колдовства сотворил дворец и туда пригласил Будду со свитой. Благодаря этой добродетели в следующей жизни он стал царем-чакравartiном<sup>29</sup>. В вышеперечисленных рассказах герой-волшебник предстает в образе самого хорошего и ловкого из волшебников. В монгольских и тибетских текстах волшебник показан знающим чары старым другом домохозяина по имени Ла Занг, либо Сайн Сара. В индийском тексте волшебник представлен с изможденным лицом, длинными седыми волосами, босыми ногами, со страшным взглядом, на лбу у него священные знаки и редкий кашмирский платок, на запястье золотой браслет с камнями, на шее на золотой цепочке висят массивные четки. Функции чудесного помощника волшебника в сюжете «Волшебник и его конь» выполняет мифический конь, который преодолев длинный путь, перемещает героя в иллюзорное пространство. В рассматриваемых рассказах прослеживается связь коня с водой: конь сбрасывает героя на берегу, а сам бросается в воду и тонет. Согласно индийской мифологической традиции, «вода — первооснова и источник всего сущего. В ней зарождается все живое, поэтому воду часто сравнивают с женским началом, говоря о ней как о материнском лоне, дарующем жизнь»<sup>30</sup>. В тибетских, монгольских и ойратских письменных текстах конь волшебника представлен как прекрасный конь; волшебный конь; прекрасный изящно-черный конь; прекрасный вороной конь; лучший конь; красивый конь.

Параграф 3.3 «Хождение в буддийский ад» рассматривает шесть агиографических рассказов сборника № 20, 26, 33, 42, 43, 62). Описание «хождений в ад» широко известно в восточной (арабской, персидской, китайской, индийской, тибетской, монгольской, ойратской) и европейской («Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия, «Божественная комедия» Данте) литературах. В тибетской литературе повествования о хождении в ад известны под названием *'das log* (букв. 'рассказ о возвращении из мертвых', 'переживания возвращения из смерти'). Их исследованием занимались А.М. Позднеев (1887), А.Г. Сазыкин (1985; 2004), Н.С. Яхонтова (1999), Е.А. Хамаганова (1986). Развернутое изображение различных отделений буддийского ада и его преддверия, подробное описание невероятных видов страдания и сцена суда составляют основную часть содержания всех известных памятников. Акцент, который делает буддизм на восприятии смерти, чрезвычайно важен для вступления на путь спасения. Адресованное находящимся на начальном уровне духовного развития учение о смерти содержится в различных произведениях, описывающих сюжет хождения в буддийский ад. Этот сюжет пользовался особой популярностью. Причины такой популярности понятны и не требуют особого объяснения, поскольку смерть для человека всегда оставалась и остается ужасающей и тайной реальностью. В «Среднем Ламриме» имеется специальный параграф:

<sup>29</sup> Царь-чакравartin — в буддийской мифологии идеальный универсальный правитель, устанавливающий во всем мире царство справедливости.

<sup>30</sup> Меренкова О.Н. Образ Макары и водное пространство в индийской культуре // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 143.

«Размышление-памятование о смерти: о том, что долго в этом мире не жить», в нем говорится, что от смерти не спасешься бегством, не избавишься силой или при помощи богатств, пожертвований, мантр или лекарств». Данный трактат также учит, что после [смерти] нет других мест перерождения, кроме двух частей: рождаемся или в счастливой, или в дурной части.

В **Заключении** формулируются основные выводы, подводятся итоги работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Характеристика ойратской средневековой литературы невозможна без обращения к области религиозно-дидактических сочинений, которые занимают одно из центральных мест в жанровой системе ойратской литературы. Этим объясняется наш выбор в качестве объекта исследования сборника «Сказание нектарного Учения», относящегося к данному разряду сочинений.

В рамках данного диссертационного исследования было выяснено, что сборник «Сказание нектарного Учения» был известен среди ойратского монашества, книжников и мирян, владевших ойратской письменностью «тодо бичик». Сборник активно привлекался исследователями (А.В. Поповым, Г.С. Лыткиным, Б.Я. Владимирцовым, Д. Ёндоном) для иллюстрации образцов письменного калмыцкого языка («Грамматика калмыцкого языка», 1847), а также в качестве важного дополнительного материала в изучении отдельных сюжетов тибето-монгольских дидактических сборников («Монгольский сборник рассказов из “Раñčatantra”», «Комментарии к “Капле, питающей людей”, «Комментарии к “Субхашите”»).

В трех списках «Сказания нектарного Учения», хранящихся в архивах и библиотеках России, отсутствует заключительный колофон, который бы содержал сведения об авторе, составителе, переводчике, заказчике, месте и времени переписки. Данный факт затрудняет вопрос установления генезиса памятника. Пока не обнаружен тибетский вариант сборника, нельзя определенно говорить о его переводном происхождении. Сюжетный состав самого сборника показывает, что в него вошли истории из разных сочинений индо-тибетской литературы.

В результате проведенного сравнительного текстологического анализа списков «Сказания нектарного Учения» было установлено, что порядок рассказов в них различен, однако тексты рассказов практически идентичны, за исключением небольших различий (окончания слов, некоторые пропуски, сокращения, различное написание слов). Списки 2, 3, хранящиеся в СПбГУ и Государственном архиве Республики Татарстан, одинаковы, что дает основание предположить, что у них был общий источник, либо Список 3 был переписан со Списка 2, когда тот еще хранился в Казанском университете.

Кроме того, в настоящем труде с опорой на диссертационные исследования Е.А. Хамагановой [Хамаганова 1986] и К.В. Орловой [Орлова 1991], текст «Сказания нектарного Учения» композиционно рассматривался в соответствии с основными тезисами и тремя разделами «Среднего Ламрима» Чже Цонкапы. Приведенные примеры убеждают в том, что рассказы «Сказания нектарного Учения» могли служить иллюстративным материалом в передаче трактата «Ламрим» (ойр. bodhi möriyin üye). Все шестьдесят четыре рассказа нами были разделены на три группы по этапам духовного развития типов личности: «низшей», «средней» и «высшей». На каждом этапе развития личности разъясняются главные тезисы «Ламрима»: поиск защиты покровительства «Трех Драгоценностей», закон кармы, демонстрирование причинно-следственных связей между

поступками, совершенными в прошлом и настоящем, размышление над четырьмя благородными истинами. Предваряет все рассказы общее введение, традиционное поклонение для многих буддийских текстов: «Поклоняюсь высшим ламам!». Затем следуют шестьдесят четыре рассказа подряд, без формального выделения, что вызвало у нас необходимость показать принцип их тематического деления. Практически все рассказы завершаются заключительной сентенцией, соответствующей основным принципам «Ламрима».

В диссертационной работе было определено жанровое своеобразие сборника «Сказание нектарного Учения» («Arṣāni nomiyin tuuḡi»). Термин «tuuḡi», указанный в его названии, переводился исследователями, применительно к другим текстам, как «история», «повесть», «сказание», но ни один из переводов точно не передает жанровую принадлежность сочинения, соответствующей системе современной европейской литературы<sup>31</sup>. Л.Г. Скородумова и И.В. Кульганек под «tuuḡi» понимают литературную обработку сказочных сюжетов, созданных на основе исторических легенд<sup>32</sup>. В данном исследовании термин «tuuḡi» переводится как «сказание» в названии сочинения, согласно традиционному его переводу, принятому в монголоведении. Эпический характер перевода, видимо, был связан с содержанием сборника. В сборнике большую часть занимают аваданы. В начале термин «авадана» в отечественной литературе переводится как «сказание о героических деяниях»<sup>33</sup>. Под «сказанием о героических деяниях» понималось «повествование о благочестивых деяниях и благородных поступках, иногда — самопожертвовании, и отражении их на последующих воплощениях совершивших их существ»<sup>34</sup>. Данный факт подтверждает и начальная фраза, предваряющая рассказы ойратского сборника: «[Это] сказания о духовных подвигах, совершенных во имя Учения» (Nomiyn züqtü bereke hatuḡal üüldüqsen tuuḡi ünü (*Список 1*: 16)).

Шестьдесят четыре рассказа «Сказания нектарного Учения», взятые из разных источников, представляют собой переработку рассказов разных жанров древнеиндийской литературы: аваданы, истории о «хождении в ад», джатаки, абдхута-дхармы, ниданы, व्याкараны, эпос. В подаче сюжета большинство повествований в связи с сокращением текста значительно отошли от канонических установок, для них характерна упрощенная композиционная структура: разные части текста в неодинаковой степени подверглись сокращениям — в частности, сократился объем пространных описаний, развернутых сравнений. В центре внимания автора-составителя — те поступки героев и те события и ситуации, которые наиболее значимы, с его точки зрения, для раскрытия тем повествования.

В ходе исследования были изучены предполагаемые источники и варианты рассказов «Сказания нектарного Учения». В самом сборнике указан лишь один источник — «Zoun üyiletü» («Кармашатака»), в рассказе № 2. Перечень возможных источников сюжетов «Сказания нектарного Учения» показывает, что его рассказы восходят к

<sup>31</sup> Цендина А.Д. Термины тууль, тууж, туух, улгэр, домог, намтар, цадиг, судар, шастир в старой монгольской литературе // Монгольский сборник: тексты и контексты. Сер. “Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности”. Вып. 54. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. С. 26.

<sup>32</sup> Скородумова Л.Г., Кульганек И.В. Указ. соч., 2008.

<sup>33</sup> Воробьева-Десятовская М.И., Шомахмадов С.Х. Проблема исследования неатрибутированной аваданы из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2010. № 2(13). С. 66.

<sup>34</sup> Там же.

различным популярным санскритским и тибетским сочинениям, входящим в тибетский буддийский канон: «Кагьюр» и «Тенгьюр» («Кармашатака», «Аваданашатака», «Джатакамала», «Дзанлундо»). Ряд сюжетов ойратского сборника перекликается с сюжетами древнеиндийских памятников «Панчатантра» и «Рамаяна». К четырнадцати рассказам мы не смогли найти близкие им сюжеты. Разнообразный охват материала показывает, что сборник по содержанию является компилятивным, включающим сюжеты из различных литературных источников. Сравнение сюжетов «Сказания нектарного Учения» с предполагаемыми источниками показало, что они на ойратской почве значительно сократились и подверглись существенным качественным изменениям идейного, композиционного и стилистического характера. Такой характер переработки материала показывает, что они прошли через несколько стадий переводов, устной и письменной передачи текстов.

При описании системы персонажей «Сказания нектарного Учения» были учтены не только роль и функции персонажей в сюжете, но и их внутренние и внешние семантические характеристики, определяющие «индивидуальный статус», «семейный статус» и «сословный статус». Семантические признаки персонажей ойратского сборника соответствуют тем конфликтам, в которых они принимают участие, и обыгрываются в сюжете, задавая тем самым формы коллизий.

Некоторые сюжеты из «Сказания нектарного Учения» настолько популярны («Благодарные животные. Неблагодарный человек. Спасение из ямы», «Волшебник и его конь», «Хождение в буддийский ад»), что встречаются в указателях сказочных сюжетов Аарне-Томпсона-Утера (2004), Л. Бёдера (1957), Л. Лёринца (1979), «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» (1979). Необходимо отметить, что несмотря на свою распространенность, значительная часть сюжетов ойратского сборника до сих пор не стала достоянием научной общественности и не учтена в указателях сюжетов.

Все вышесказанное позволяет характеризовать текст сборника «Arṣāni nomiyin tuuji» («Сказание нектарного Учения»), дошедший до нас в нескольких списках, как популярный дидактический сборник, комментирующий основные положения буддизма, чрезвычайно разноплановый в жанровом отношении. Он является ярким и во многом уникальным примером индо-тибето-ойратских литературных связей, более глубокое, всестороннее изучение которых создаст правильное представление о развитии ойратской литературы на протяжении нескольких столетий и ее тесных контактах с индо-тибетской литературой.

## **ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ**

***В научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России по специальности 5.9.2. – Литературы народов мира:***

1. Меняев, Б.В. Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 281–299. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-281-299 (1 п.л.)

2. Меняев, Б.В. «Индивидуальный статус» персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Филология и культура. Philology and Culture. — 2023. — № 4 (74). — С. 154–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162 (0,8 п.л.)

3. Меняев, Б.В. Сюжет «Волшебник и его конь» в ойратском памятнике «Arṣāni nomiyin tuuji» («Сказание нектарного Учения») / Б.В. Меняев // Известия Российской

академии наук. Серия литературы и языка. — 2024. — № 83(1). — С. 107–118. DOI: 10.31857/81605788024010107 (1 п.л.)

4. Меняев, Б. В. Древнеиндийские сюжеты санскритского сборника «Кармашатака» в ойратском письменном памятнике «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 8 (889). — С. 151–157. (0,6 п.л.)

5. Меняев, Б. В. Древнеиндийские сюжеты в ойратском сборнике «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Проблемы исторической поэтики. — 2024. — Т. 22. — № 2. — С. 7–24. — DOI: 10.15393/j9.art.2024.13704. EDN: IVANOX (1 п.л.)

#### **Статьи в других изданиях:**

6. Меняев, Б.В. Джатаки из ойратского сборника «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Источниковедение и историография стран Азии и Африки. Тезисы докладов XXIV Международной научной конференции. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2007. — С. 110–111. (0,05 п.л.)

7. Меняев, Б.В. Джатаки в ойратском сборнике «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — С.294 – 297. (0,17 п.л.)

8. Меняев, Б.В. О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Материалы Общероссийской научной конференции. Учреждение Российской академии наук Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. — Элиста: КИГИ РАН, 2008. — С. 179–182. (0,07 п.л.)

9. Меняев, Б.В. «Сказание нектарного Учения» – как памятник ойратской литературы / Б.В. Меняев // Материалы VI съезда востоковедов России (г. Улан-Удэ, 17-21 сентября 2008 г.). Составление, редактирование: Васильев Д.Д., Столяров А.А. Указатель: Столяров А.А. — Улан-Удэ-Москва: ИВ РАН, 2008. — С. 60–61. (0,05 п.л.)

10. Меняев, Б.В. Ойратский сборник «Сказание нектарного Учения»: мотив посещения ада / Б.В. Меняев // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Материалы Международной научной конференции. — Элиста: КИГИ РАН, 2008. — С. 88–93. (0,3 п.л.)

11. Меняев, Б.В. Поучительные притчи из «Сказания нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Тематический сборник: материалы X Международной научно-практической конференции. Вып. 9. — Новосибирск-Семей: Семипалатинский государственный университет им. Шакарима Республики Казахстан, 2008. С. 152–154. (0,14 п.л.)

12. Меняев, Б.В. Притчи из «Сказания нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Проблемы литератур Дальнего Востока. сборник материалов III Международной научной конференции: в 2 томах. Санкт-Петербургский государственный университет; Фуданьский университет, Факультет китайской филологии. — Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. — С. 306–310. (0,16 п.л.)

13. Меняев, Б.В. «Сказание нектарного Учения» — памятник ойратской литературы / Б.В. Меняев // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Материалы Международной научно-практической конференции посвященной 400-летию вхождения

калмыцкого народа в состав Российского государства — Элиста: КИГИ РАН, 2009. — С. 190–191. (0,05 п.л.)

14. Меняев, Б.В. О двух списках рукописи «Аршани номийн тууджи» («Сказание нектарного Учения») / Б.В. Меняев // Мир буддийской культуры: наследие и современность. Материалы III Международного симпозиума. — Чита: Экспресс-издательство, 2010. — С. 67–70. (0,16 п.л.)

15. Меняев, Б.В. Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание нектарного учения» / Б.В. Меняев // Научная мысль Кавказа. — 2011. — № 1–2 (65). — С. 76–78. (0,2 п.л.)

16. Меняев, Б.В. История изучения ойратского литературного памятника «Сказание нектарного Учения» / Б.В. Меняев // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 806–808. (0,1 п.л.)

17. Меняев, Б.В. О притчах из «Сказания нектарного Учения» / Б.В. Меняев // International Symposium on the Exchange and Blending of Silk Road and Multi-ethnic Languages and Literature. (Ланьчжоу, Северо-Западный университет национальностей 10-14 октября 2023 г.). — Ланьчжоу: Северо-Западный университет национальностей, 2023. — С. 138–141. (0,15 п.л.)